

«Радует: пишем без цензуры. Но...»

Четыре романа и четверть века жизни писатель Александр Кердан посвятил «людям чести» – российским первооткрывателям

Ирина КЛЕПИКОВА

В Год литературы именно с его монолога открылась в «ОГ» рубрика «Книга-судьба». История-то вроде была простая: любящий читать мальчик из уральской провинции однажды нашёл в домашней библиотеке книгу с автографом матери писателя Николая Островского. Но через эту книгу вдруг делает для себя открытие: писатели – это не «портрет на стене», а живые люди, со своей историей, которая как-то, оказывается, может быть связана с твоей жизнью... Отроческое открытие, что писатель – не небожитель, а человек земной, позволило со временем поверить: он и сам может попробовать взять чистый лист бумаги и написать то, что волнует...

Стихи? Способ «не затеряться в строю»

– Для болельщиков вы писатель в особом статусе – человек в военной форме. Как случилось, что мечтая стать писателем, отдали вначале предпочтение службе? И при каких обстоятельствах сошлись однажды в вашей судьбе «лёд и пламень» – военная служба и литература?
– Ну, не такая уж редкость в отечественной истории люди в форме, занимающиеся литературным творчеством... Державин, Хемингуэй, Лермонтов, Фет, Куприн... С офицерскими погонами на плечах творили Лев Толстой и Николай Гумилёв, Александр Твардовский и Константин Симонов... Когда пушки грохочут, музы не молчат! Это – не словесный штамп, а формула, проверенная самой жизнью. На первом курсе военного училища стал записывать то, что выходило из-под пера (стихами первые опыты назвать не рискнул). Первые стихотворения опубликовал в 1975-м... Думаю, что армия как система, питающаяся любого, попадающего в неё, как-то нивелирует, уравнивает (помните, у Николая Старшинова «И затеряны в строю, как деревце в лесу...»), побуждает душу к самозащите, к отстаиванию своей самости, непохожести на другие души... Стихи – один из способов самозащиты души.

– В 1996-м вы защитили кандидатскую диссертацию «Искусство в системе средств формирования чести офицера Вооружённых сил России». Опять – скрепление полярных констант: искусство и военная служба. Меня же в самом названии диссертации особо интригует слово «честь». Заметили: оно вообще исчезает из нашего обихода? Для меня оно скорее – из лексикона XIX века. Или будете спорить?
– Поспорю... Ведь ещё и докторская потом была, касающаяся проблемы престижности государственной службы в России. Эти исследования и собственный армейский опыт позволяют утверждать: феномен офицерской чести, слава богу, жив и здравствует по сей день. Конечно, меняются исторические условия функционирования Вооружённых сил, меняются сами носители чести, но корпоративная этика и честь, как одно из её проявлений, не могут исчезнуть, пока есть люди в погонах. Достаточно вспомнить наших ребят, совершающих сегодня подвиги в борьбе с терроризмом в Сирии, защищающих мирный день России... В службе – честь, говорил создатель русской армии Пётр Первый. Но, конечно, у офицерской чести, как у медали, есть и оборотная сторона – отношение общества к носителям чести. Может быть, поэтому сегодня и не очень заметны люди чести, что в обществе культивируются совсем другие принципы, что служба офицерская на многие годы перестала быть престижной, что телевидение и интернет-порталы заполнены сообщениями об очередном разводе какой-нибудь звезды шоу-бизнеса и глухо молчат о подвиге человека, жизнь положившего за други своя, за своё Отечество...

Из личного архива Александра Кердана

Ему близки слова Окуджавы: «И из собственной судьбы я выдергивал по нитке...» Но далеко не всем читателям, вставшим в очередь за автографом, он может объяснить: счастье – плохая тема для творчества. Оно самодовольно и не требует комментариев. Книги рождаются из другого

– Как прозаик вы много лет посвятили личности и судьбе Николая Петровича Резанова – русского дипломата, путешественника, предпринимателя, стоявшего у истоков Российско-Американской компании. Откуда такая писательская приверженность?
– Не только Резанов, но и Баранов, Шелихов, Крузенштерн, Лисанский и Головин, начальник форта Росс Кусков, командир Беринга, капитан Чirikov, князь Максудов и другие деятели, связанные с историей Русской Америки... Четверть века я этим плотно занимался, написал четыре романа об этом периоде нашей истории...

Любовь к истории вообще, к истории освоения Америки – в частности, коренятся в детстве, в книгах, которые читал, в фильмах про индейцев, которыми засматривались мальчишки моего поколения... Ну и, конечно, в своеобразном подарке судьбы: в Пермском областном историческом архиве я оказался одним из первых современных исследователей фонда Кирилла Хлебникова – путешественника и купца, директора Российско-Американской компании и академика Санкт-Петербургской академии наук, знаменитого историкографа Русской Америки...

Николай Петрович Резанов интересен мне как человек, судьба которого очень противоречива: звание камергера двора его императорского величества и полное забвение заслуг перед Россией на долгие десятилетия, руководство первой кругосветной экспедицией россиянина и клевета, которой оплели его имя после смерти бывшего соотечественника, романтическая любовь к дочери испанского команданта, на деле оказавшаяся «исполнением долга перед Отечеством», обязательство жениться на Контите и трагическая гибель в Красноярске на пути к выполнению своего обещания...

– Главы романа «Берег отдалённый» были опубликованы в США, в газете «Русская Америка». И что? Как это отразилось на вашей судьбе и – простите за улыбку – на судьбе Америки?
– В Нью-Йорке давно живёт и трудится детский писатель Аркадий Мар – подвижник русской литературы и патриот нашей страны. Роман заинтересовал его. Он опубликовал несколько глав в своём еженедельнике, выходящем на русском и английском. И они были признаны лучшей публикацией 2005 года. Мне прислали свидетельствующий об этом красивый диплом... Кроме того, Аркадий взял у меня по телефону пару интервью, которые прозвучали на американской русскоязычной радиостанции «Надежда», вещающей от Нью-Йорка до Калifornии... Были благодарные отклики наших соотечественников, ныне живущих в США. Вот, пожалуй, и всё моё «воздействие на судьбу Америки»... «Берег отдалённый» в целом пока не переведён на английский, да, очевидно, и не будет. По словам Мара, современные американцы историей США не очень-то интересуются. Что им Русская Америка? Этот роман я писал для живущих в России. Он о нашей истории, о наших преюдах, отважных первооткрывателях, забытых

и обогатных, не оценённых современниками... Роман-предостережение: надо беречь отчуждённую и родную историю, чтобы не потерять впоследствии самих себя.

– В писательском творчестве есть свои Моцарты – баловни судьбы, работающие легко, и есть Сальери – не в смысле злого умысла, а – создающие трудно, постепенно, оттачивающие каждое слово, нюанс, интонацию фразы. Вы «чьих будете»?
– До последнего времени писал легко и довольно быстро, за что бывал порицаем отдельными коллегами. Отвечал им так: «Пишу так, пока Бог подаёт...» И это было правдой – ничего из себя не вымучивал, жилы не таял. Вёл написались многие стихи, тексты песен, довольно быстро сложилась книга рассказов «Тринадцать», десять из которых родились за два месяца... Но пришли другие времена, слово стало даваться с трудом, и теперь большую часть времени отдаю доведению текста до должного уровня. А планы от книги к книге для себя поднимая... Так что «постепенно «мигрирую» от Моцарта к Сальери. Но, скажу абсолютно честно, ревнивого отношения к юным моцартам у меня нет!

– И ещё о поэзии. Опять же: вы – редкий сегодня пример поэта, строки которого – чистая лирика. Ясная, мелодичная, со вкусом и ароматом. С понятием и точной системой образов. Нынешняя поэзия всё больше уходит в игру слов. Не стихи, а ребус. И всё «под прикрытием» развития отечественной и мировой поэзии. Ваш взгляд на «игру» коллет?
– Пусть будет больше поэтов, хороших и разных, как говорил Маяковский. Я выделяю бы в первую очередь эпитет «хороший». Хорошие стихи, как вы заметили (и это совпадает с моим взглядом на поэзию), – ясные, мудрые, образные, берущие за душу и ещё обладающие тем, чему и названия не подобрать – энергетикой, светом Божьим, что во вдохновении только и рождается... При наличии этих качеств пусть стихи будут разными. Кто-то достигает самовыражения форматворчеством, кто-то иронией или самориронией... Если же цель творчества, вспомним формулу Пастернака, не самоотдача, а шумиха и успех, мне такая поэзия неблизка, в какие бы физиологические одежды она ни рядилась.

– Жанр романа в XXI веке – уходящая натура? Или жанр как-то трансформируется? Тогда – почему? Ваше мнение как романиста.
– Романы сегодня скукоживаются, как шагреньевая кожа, становятся длинными новеллами. Когда читатель видит фоллиант моего друга Арсена Титова «Тень Бехистунга» или мою «Землю российского владения» (обе по 700–800 страниц), их оторопь берёт: как найти время, чтобы такое прочитать? СМС-сообщение и то некогда посмотреть, а тут такое многостраничное... Информационный век, Интернет, ТВ, соцсети требуют от человека (и писателя, и читателя) мобильности и краткости изложения. А писатели-романисты – консерваторы, им надо (особенно если речь идёт о тягучих годах Средневековья или о романтическом начале XIX века) неспешно погружить читателя в далёкую реальность, с её специфическим языком, пейзажем, архитектурой, бытом, социальным устройством. Вот и возникает коллизия: писатель сегодня торопит писателя, разворачивает его к малым формам, а эпоха, которую он изображает, и сам жанр романа – приторжмаживают, учат не торопиться, быть внимательным к деталям, слышать дыхание времени... Удаётся такое или нет, надо продолжать писать, даже без особой надежды оказаться в числе «лидеров продаж».

– Лев Толстой говорил о поэзии примерно так: писать стихи – значит ходить с прищипком. Если серьёзно: слово поэтическое и слово в прозе – действительно несоединимые полюсы. Разное дыхание. Меня вот хоть застрелите – я ни четверостишия не выдам. Вы же, напротив, редчайший образец человека, равно одарённого в прозе и поэзии. Как такое возможно?
– Вы правы, книги пишутся в тишине и в уединении, а общественная жизнь кипит и бурлит. Несовместимо! Но только на первый взгляд. Ведь и офицер в армии не всегда бежит в атаку, он много времени проводит над картой, продумывая тактику и стратегию... Возможно, именно армейское прошлое приучило не пасовать перед трудностями, не обращать внимание на внешние обстоятельства, в которых протекает творческий процесс. Иногда не задумывался: есть рабочий кабинет или нет, много в запасе времени или нет. Иными словами, очень пригодилась привычка чёткой, военной организации труда, умение использовать любую воз-

можность, чтобы записать промелькнувшую мысль...

– Кстати, Ассоциация писателей Урала – когда и во имя чего была создана? В чём преуспели?
– Сразу идею поняли далеко не все. Но сегодня наша Ассоциация из уральской стала уже Ассоциацией писателей Урала, Поволжья и Западной Сибири. Основная идеологема – восстановление «разорванного» литературного пространства. Это определило стратегические направления – работа с творческой молодёжью (по нашей инициативе проведены девять всероссийских, всероссийских и международных совещаний молодых писателей), координация издательской политики: выпуск книжных серий «Библиотека семейного чтения», «Библиотека российской поэзии», «МИР: мой исторический роман», «Библиотека поэзии Каменного пояса», «На разных языках», организация издательства «АСПУР», выпуск ежегодного литературного альманаха «Чаша круговая» и газеты-журнала «Большая Медведица». Это и учреждение целого ряда премий – Всероссийской имени Мамина-Сибиряка (совместно с СП России), премии «Белуха» (с журналом «Бийский вестник»), Литературной премии Уральского федерального округа (под патронажем полпреда Президента РФ в УрФО), премии имени поэта-фронтовика Станцева и т.д. Высшим органом Ассоциации является конференция, проводимая ежегодно в различных городах Урала, Поволжья или Сибири. Перенос «столицы Ассоциации» в разные регионы мобилизует местное писательское сообщество, привлекает внимание власти предрешающих к писательским проблемам и, конечно, укрепляет межрегиональные творческие связи, способствует популяризации современной литературы.

– Работая в Ассоциации писателей Урала, Союзе российских писателей, вы имеете возможность ощущать не только региональные течения литературного процесса, но и процесс в целом. Что радует в сегодняшней отечественной литературе? Что напрягает? Возможен ли в нынешней России такой взлёт литературы, какой был, скажем, в XIX веке?
– Радует, что не стало запретных тем, что писатели работают без цензуры. Это же и огорчает. Я не об идеологической цензуре, а о культурной, нравственной, если хотите. Размыт критерий оценки произведений, разрушена система премий в области литературы, что не способствует выявлению лучших книг, поддержке талантливейшей молодёжи, выравниванию её... Радует, что любой желающий сегодня может издать книгу за свой счёт, а не стоять в издательской очереди, как приходилось в наше время. Огорчает, что нет государственной политики книгоиздания и поддержки издательства, работающих в области патриотической и детской литературы, что исчезли организации, занимающиеся пропагандой книги, особенно книги региональной. Не может не огорчать и то, что в результате валового приёма в члены Союзов писателей (а их после распада СССР образовалось несколько) снизился

общий уровень профессионализма у литераторов. А ещё, как это ни печально, приходится констатировать, что литературная критика умерла... Профессиональные критики сегодня пишут только заказные статьи, а о внимании столичных критиков к провинциалам (это в прошлом позволило отыскать Распутина и Астафьева, Белова и Носова) вообще говорить не приходится. Сегодня каждый писатель сам себе Гоголь и сам себе Белинский. Марш как-то обронил: литература без критики, как улица без фонарей. А сегодня вроде бы и улица в наличии, и фонарные столбы вдоль тротуара стоят, да только лампочки ни одной не горит... Ну и, конечно, о каком уровне жизни к писательскому труду можно вести речь, если даже профессии такой в перечне у нас в России нет. Не принят Государственной думой до сих пор закон о культуре, который определил бы взаимоотношения государства с писательскими союзами... Конечно, решение всех этих проблем – не гарантия рождения новых литературных гениев. Гении рождались и творили и в более непростые времена. Но решать все эти проблемы надо. Ибо гении не рождаются, если нет литературного подтекста, нет культурной почвы. Этой «культуры» мы с коллегами в меру сил и занимаемся.

– «Литературная газета» в преддверии писательского съезда начала публикацию материалов, общий пафос которых – «Спасём наш Союз». Что происходит с Союзом писателей, оплотом литературной элиты России? Насколько включён в это Урал?
– В Москве между различными литературными кланами давно идёт борьба вроде бы по идеологическим вопросам, а на самом деле – за близость к переладкиным дачам и правительственным грантам, за влияние в комиссиях по присуждению тех или иных премий. История древняя, как мир. В канун съезда, дата которого ещё не определена, борьба активизировалась. Лозунг «Спасём Союз!», по сути, прикрывает вопрос, кто возглавит союз в будущем. Не секрет, что руководитель Союза писателей России, человек уважаемый и многолетний, уже далеко не молод. Его руководящее кресло некоторым писателям представляется лакомым куском, ибо позволило бы пользоваться упомянутыми преференциями... А для нас, писателей, живущих в провинции, куда важнее другие вопросы: как сделать правление союза настоящим штабом писательской жизни, как установить рабочий контакт с властными структурами, учебными заведениями, учреждениями культуры, как привлечь молодых литераторов, издавать талантливые книги, прививать любовь к чтению, хранить память об ушедших писателях... Эти и другие животрепещущие вопросы будем обсуждать на пленуме, который состоится в марте. Там же будет определена дата проведения съезда.

– Когда вы сегодня идёте по улице Екатеринбурга, а в голове вертятся строки (у писателя по-другому не бывает) – о чём они? Про что? Про кого?
– Про первый крестовый поход, про Сирию одиннадцатого века, про средневековую Испанию... А герой – граф, носящий, пусть это не покажется странным, мою фамилию (был такой графский род в Барселоне). Много параллелей с современностью приходит на ум... А вообще-то, это вторая часть исторической книги под названием «Роман с фамилией». Первую часть, касающуюся Древнего Рима, закончил в этом году. Впереди, помимо крестового похода, посещение Восточной Украины XVII века, где в Запорожской Сечи жили мои предки. И тоже очень волнующие параллели с сегодняшним днём. На самом деле мне порой кажется: все мы – ушедшие, ныне живущие и те, кто придёт вслед, находимся в едином временном потоке. Это и позволяет поколению лезть и узнавать правду о нашем мире.

– Какой фильм можете пересматривать много раз?
– Почти всю советскую киноклассику. Из зарубежных – «Апокалипсис» Мела Гибсона...
– В еде вы гурман?
– Нет. Жареная картошка, пельмени, грибы, зелень... Из напитков теперь только чай, увя...
– Из благ цивилизации что приветствуете, что – нет?
– Интернет (при умелом с ним обращении), и не приветствую его же (и все соцсети) при вторжении в частную жизнь человека, безответственным охаванием или восхвалением кого-то, сведении к счётам, лжи и т.д.
– Если час-два захотите посвятить музыке, то это будет...?
– Романыш в исполнении Яны Чабан. Благодаря Яне научился слушать оперу, музыкальную классику... С юности обожаю оркестры русских народных инструментов. Сам когда-то немного играл на балалайке – конечно, на любительском уровне...
– Не работаете... Нет вдохновения, идеи, замысла. Что помогает выйти из этого состояния?
– Отсутствие свободного времени. Некогда хандрить по поводу вдохновения, надо успеть сделать то, успеть другое. А вдохновение, если на нём не сосредотачиваться, обязательно вернётся. И дальше, как у Пушкина: две придут сами, третью приведут... Это, как вы помните, говорил наш гений о поэтических строфах!

– Как вы разделяете – это напишу прозой, а то – стихами. Утрирую, конечно, но вопрос остаётся...
– Я и сам разделяю, о котором вы говорите, ощущаю: пишу прозу – отступаю поэзия, пишу стихи – идёт спать прозаик. Вот научные писания так на поэтическое творчество не влияли: стихи рождались параллельно с главами докторской и кандидатской. Не зря же говорят, что научный язык похож на птичий, а птичий поэтам по плечу... Но какого-то особого способа переключаться с одного занятия на другое не знаю. Это как в анекдоте про сороконожку, которую спросили, с какой ноги она ходит. Сороконожка задумалась и упала.

ДОСЬЕ «ОГ»

Александр Борисович КЕРДАН.
Родился 11 января 1957 г. в г. Коркино Челябинской области. 1978 г. – окончил с золотой медалью Курганское высшее военно-политическое авиационное училище, 1990 г. – Военно-политическую академию и адъюнктуру военного университета в Москве. С 1996 г. – кандидат философских наук. С 2007 г. – доктор культурологии.
На протяжении 27 лет – служба в армии в качестве политработника, преподавателя военного вуза, а затем в качестве военного журналиста. Вышел в запас в 2001 г. в звании полковника.
Лауреат Большой литературной премии России, международных литературных премий «Полярная звезда», «Золотое перо», «Честь и Отечество»; всероссийских – им. А. Грина, П. Бажова, генералиссимуса А. Суворова; премии губернатора Свердловской области...
Заслуженный работник культуры РФ. Почётный гражданин г. Коркино. С 2015 г. в Коркино ежегодно проводятся Кердановские чтения.

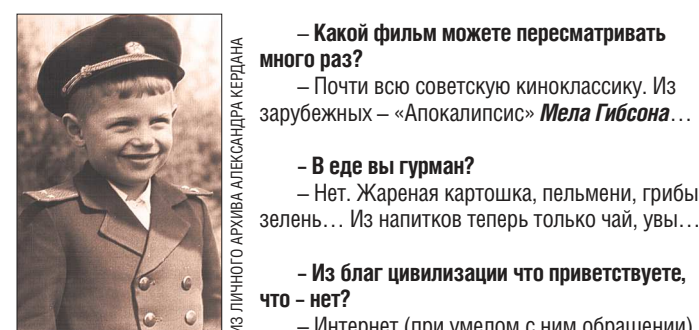
БЛИЦ-ОПРОС

– Неисполнившаяся мечта детства?
– Стать чемпионом мира по прыжкам в высоту. Мальчишкой занимался этим видом спорта. И даже напрыгал 180 см...
– Свои стихи раннего возраста перечитываете? Не возникает зависти к себе молодому или, наоборот, желания отредактировать?
– То, что уже вошло в книги, переделывать бессмысленно и нечестно по отношению к себе, преждему. И завидовать себе девятнадцатилетнему, как учил Маяковский, я бы не стал. Вот себе сорокалетнему, пожалуй, позавидовать не грех. Уже и в профессии стал кое-что понимать, и задор ещё не иссяк...
– Чего никогда, ни при каких обстоятельствах не позволили бы себе?
– Уехать из России.

Из личного архива Александра Кердана

1975 г. С курсантских времён его жизненное credo укладывается в одно слово – служение. Но с обязательной припиской из Грибоедова: «Служить бы рад, прислушиваться тошно...»
– Вы суевёрный человек? Если – да, каким приметам верите?
– Грешно, конечно, но верю и снам, и гаданиям... А потом каюся – всё ведь в руках Божьих!
– Из каких периодов предпочитаете узнавать о мире?
– Бывает, что подползу смотрю сериалы: исторические (про викингов, Хоррею и Кёсем) или военные. Конечно – информационные программы. Привычка от бывшей профессии политработника. Шоу-программы не люблю (орхамство, рваный ритм), предпочитаю – спокойную аналитику, беседу с умным человеком, передачу-портреты.

Из личного архива Александра Кердана

1961 г. Спуста годы он напишет «Балладу о сыновьях», которая станет песней, и сегодня её поют десятки хоров от Чыты до Гатчины
– Какой фильм можете пересматривать много раз?
– Почти всю советскую киноклассику. Из зарубежных – «Апокалипсис» Мела Гибсона...
– В еде вы гурман?
– Нет. Жареная картошка, пельмени, грибы, зелень... Из напитков теперь только чай, увя...
– Из благ цивилизации что приветствуете, что – нет?
– Интернет (при умелом с ним обращении), и не приветствую его же (и все соцсети) при вторжении в частную жизнь человека, безответственным охаванием или восхвалением кого-то, сведении к счётам, лжи и т.д.
– Если час-два захотите посвятить музыке, то это будет...?
– Романыш в исполнении Яны Чабан. Благодаря Яне научился слушать оперу, музыкальную классику... С юности обожаю оркестры русских народных инструментов. Сам когда-то немного играл на балалайке – конечно, на любительском уровне...
– Не работаете... Нет вдохновения, идеи, замысла. Что помогает выйти из этого состояния?
– Отсутствие свободного времени. Некогда хандрить по поводу вдохновения, надо успеть сделать то, успеть другое. А вдохновение, если на нём не сосредотачиваться, обязательно вернётся. И дальше, как у Пушкина: две придут сами, третью приведут... Это, как вы помните, говорил наш гений о поэтических строфах!

– Как вы разделяете – это напишу прозой, а то – стихами. Утрирую, конечно, но вопрос остаётся...
– Я и сам разделяю, о котором вы говорите, ощущаю: пишу прозу – отступаю поэзия, пишу стихи – идёт спать прозаик. Вот научные писания так на поэтическое творчество не влияли: стихи рождались параллельно с главами докторской и кандидатской. Не зря же говорят, что научный язык похож на птичий, а птичий поэтам по плечу... Но какого-то особого способа переключаться с одного занятия на другое не знаю. Это как в анекдоте про сороконожку, которую спросили, с какой ноги она ходит. Сороконожка задумалась и упала.

Из личного архива Александра Кердана

О семье, о любви многие стихи и поэмы А. Кердана – «Валенки», «Исповедь Дантеса», «Сибирский тракт», «Царская фамилия», «Междометия»...